ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Диана Рейн

16+

Вырванные страницы из дневника

Сосновцы

Диана Рейн

Вырванные страницы из дневника

Диана Рейн (Diana Reyn)

Оригинальное издание на русском языке.

© 2025 Диана Рейн. Все права защищены.

Содержание

Гомфотерность	1
Счастье мое...	5
Вундервунд с разбитым сердцем	8
Прислужники Сорни-най	12
Завтра будет идеальный день	22
Утраченная и вновь обретенная надежда	26

Гомфотерность

Я еще несколько раз проговорила это слово у себя в мыслях. Гомфотерность. Так сразу и не выговоришь. Странная штука. Я бы даже сказала, почти волшебная.

Например, благодаря ей я могла спокойно сидеть в палатке с Норкиным. Один на один, представляете? Он лежал тут же на животе и не ворчал, не трындел про свою теорию разделения людей, а я не одергивала его. Из-за гомфотерности мы могли по-человечески разговаривать и даже цеплять друг друга не хотелось.

Чудеса да и только.

А не эта ли гомфотерность виновата в том, что Глеб и Васенка шушукаются уже который день, прячутся от всех за соснами и могут часами смотреть друг другу в глаза? Как знать, может, из похода мы вернемся уже с новообъявленными женихом и невестой, в компанию Шакунову? И вот мы с Броней, Коленькой и Постырем остаемся одинокие и… А есть ли у Васи Постыря жена иль невеста? Надо будет спросить.

Норкин легонько щелкнул меня по носу пальцем, и я вздрогнула.

— О чем задумалась, Люсия?

— А вот о лапшевнике, — я ловко перехватила его запястье. — Скажи, мой друг, как же нашему бедному начхозу распределять продукты, если вы то не наедаетесь, то оставляете полкотелка лапшевника? Шесть человек, все взрослые люди, а привередливы, как дети малые.

Коля смотрел на меня с такой полуусмешкой, как будто настоящая ухмылка пряталась где-то в уголке губ, и мне никак не удавалось уловить ее полностью. Серые глаза, обычно такие ледяные,

что смотреть больно, уже успели оттаять в этом походе, и я могла без опаски взглянуть ему в лицо.

— Ну да, кого, кроме тебя, будут заботить чужие желудки? Дай тебе котелок размером с бассейн и цистерну с пшеном, и ты накормишь весь Бинсай. Всех, без исключений…

— Конечно! А вот ты бы выстроил народ в шеренгу и вопил: «Нет, брат, ты из дураков, иди мимо. И ты мимо, негодяй, у тебя на роже это написано».

Вот что делает с людьми гомфотерность. Вместо того, чтобы наорать на меня за такую верную, между прочим, характеристику, Норкин засмеялся. И я вместе с ним.

И только сейчас сообразила, что продолжаю держать его за запястье.

Резко разжала пальцы, и рука упала как дохлая.

— Это из-за этой самой гомфотерности ты сегодня такой добренький?

Едва мой рот открылся, как я поняла, что лучше бы промолчать, но было поздно.

— Первым вызвался дежурить, помог с готовкой, а вон, сколько хвороста натаскал… — я запнулась и замолчала под его прямым взглядом.

Норкин смотрел на меня снизу вверх, а его рука так и продолжала лежать, вытянувшись вперед. Снаружи, у костра болтали и смеялись ребята. Интересно, они заметили, что нас среди них нет?

— Гомфотерность — это химия, — наконец негромко ответил Коля. — А химия отвечает за все решения человека. Дураки говорят, что в этом виновато сердце, но оставим это на их совести. Все происходит здесь, — он постучал указательным пальцем себе по правому виску.

— Химия? — резко переспросила я. — Ты просто бесчувственный пень! Вон, возьми, флегму нашего, Вадима. Прагматик до мозга костей. Порой занудливее самого Сосновского. Ты думаешь, это химия свела его с Лялькой? И она же заставила его потерять голову и сделать предложение этой куколке? Таблица Менделеева, да?

Короткий же срок годности, оказывается, у гомфотерности. Мы снова спорим. Не знаю, зачем вообще завела этот разговор — все равно бессмысленно. Что Норкин может знать о любви? Вместо сердца у него счёты, а вместо души — маятник Ньютона, притом сломанный. Он знает все об электрических импульсах, о материи и броуновском движении, но не имеет понятия, что такое эмпатия. Ему в принципе приходится общаться со мной и остальными ребятами лишь потому, что мы относимся к категории «туристов», как и он. Шаг влево, шаг вправо — и оказались бы в «дураках» или «негодяях».

— Гомфотерность — это сплоченность людей, которые вместе идут к одной цели, — напомнил он. — И теперь я тебя спрошу: а что кроме нее могло так сплотить этих двух? Любовь? У Шакунова? И неужто ты мне скажешь, что это по любви ты сейчас сидишь тут вместе со мной?

Я никогда не упущу случая поговорить о любви и романтике. Мне нравятся фильмы о любви, особенно если там еще поют и танцуют, потому что влюбленность — это и есть музыка жизни. Я зачитываюсь романами о любви. Особенно когда всё кажется безнадежным, но герои в конце остаются вместе. Но сейчас мне что-то не хотелось это обсуждать. Нужно встать и идти к ребятам, пока они сами сюда не завалились и… и…

— Хорошо, твоя взяла, — быстро сдалась я и начала подниматься. — Такое под силу лишь гомфотерности, черт возьми.

Норкин вдруг тоже поднялся, встав на колени, и перегородил мне путь. Я замерла, запоздало подумав, что это могло его обидеть или разозлить. Коля сам редко когда задумывается, какие последствия будут у его слов, ну и мы все тоже привыкли говорить ему без обиняков что думаем.

— Люсия, почему ты так несерьезно относишься ко мне и моим чуйствам? — вдруг снова спросил он после пары минут молчания.

И я снова ничего не ответила.

Коля не стал ждать мой ответ. Знал, что его не будет. Встал и ушел, а я опять опустилась на пол палатки и зачем-то начала искать наш дневник. Наверное, чтобы записать это диковинное определение.

Гомфотерность — сплоченность людей, их способность действовать вместе с максимальной эффективностью на благо общей цели. Особенно полезна в группах, которые находятся в условиях изоляции.

Счастье мое...

Где ты теперь, в каком чужедальнем краю,

Как холодны твои белые, нежные руки…

Это всего четвертый день нашего похода, а мы уже чувствуем себя одной большой семьей. Дикая природа и холод сплачивают даже настолько разных людей, как мы. Это не дружба, а… не знаю. Братство и сестринство?

Сегодня вечером у костра пели все. Только по-настоящему уставший, замерзший турист, который наконец-то устроился возле огня и хорошо поужинал, способен так душевно петь. Я прячу улыбку за дневником, а сама наблюдаю за ребятами.

Как же я их люблю.

Я для тебя эту грустную песню пою,

Словно себя отдавая всего на поруки.

У Вадима аж брови как-то по-особому поднимаются, когда он протягивает эти строчки. Сам смотрит в костер, как будто среди язычков огня, среди искр и дыма видит облик своей супруги. А может, и правда видит?..

А ночь новогодняя кажется

Дивною зимнею сказкою…

На лице Брони блуждает загадочная улыбка. Он поглядывает на ребят, но как-то растерянно, отстранено, а потом переводит взгляд на небо, словно воздавая ему молитву. Толя наконец-то забыл про сегодняшнее «снегопадение» и больше не смотрел как побитая собака. И мы все, включая Норкина, перевели дух.

В снежных просторах купается

Целое море огней...

Глеб бросает на меня быстрый взгляд, улыбается. В его глазах мелькает уже знакомая усмешка, которая то заставляет сердечко

сжиматься, то обижает до слез. Я до сих пор, все еще, опять не могу разобраться, какой он. Холодный, равнодушный Сосновский, который только и умеет, что прокладывать маршруты высшей категории трудности и отдавать распоряжения? Или теплый, смеющийся Глеб, Глеб из-за которого я занялась туризмом, из-за которого я была сейчас здесь, в сотнях километрах от родного дома…

Он снова посмотрел на меня, и теперь я опустила глаза. Сбиваюсь, рука дрожит...

Радость моя сероглазая,

Будь хоть немного нежней…

Зато Люська сегодня непривычно тихая и задумчивая. Сидит и держит в руках пустую алюминиевую кружку, старательно выводит припев, хотя даже в голосе сквозит какая-то грусть. Или мне только кажется?

Я отгоню от тебя и усталость и грусть,

Руки твои своим нежным дыханием согрею…

Вася Постырь умело перебирает струны гитары и, кажется, что улыбается именно тебе. У него добрые глаза, почти как у ребенка наивные. Но улыбка плутовская и не знаешь, что у него на уме. Темная лошадка. Любопытно, есть ли у него подружка? Может, именно о ней он думает сейчас? А о ком еще стоит думать, вспоминать и мечтать, когда слышишь такие нежные песни, как не о своем любимом человеке?

Сердцем к тебе как травиночка к солнцу тянусь,

Только совсем о любви говорить не умею…

Даже Коля шевелит губами, беззвучно подпевая, хотя это всего четвертый день похода, а еще сегодня на него так неудачно съехал Толя. Поистине дикая природа, костер и гитара в умелых руках могут растопить даже самого промерзшего циника. Я сижу рядом с ним и украдкой посматриваю, все еще изумляясь, но Норкин

этого не замечает. То и дело поднимает глаза, смотря куда-то поверх языков огня, а затем снова прячет взгляд.

Какие же все становятся… настоящими в походах. Немного странными, но такими родными, такими дорогими. Или мне лишь кажется, потому что я хочу в это верить? Потому что мне хочется сегодня видеть в людях самое лучшее и надеяться, что, несмотря на февральский холод, они все же оттаяли?..

Счастье мое ненаглядное,

Будь хоть немного поласковей…

Вот это я сглупила, конечно! Только что заметила, что все эти сокровенные мысли и мечтания записала не в свой, а в общий дневник! Сейчас допоём, я пойду в палатку и там вырву эти страницы, а потом спрячу… или лучше сожгу их, чтобы точно никто никогда не нашел.

До чего неловко!

Будь хоть немного нежнееей!..

Вундервунд с разбитым сердцем

Ох, чует мое сердце, этот поход будет самым тяжелым из всех четырех походов, в которые я ходил ранее...

И дело не в третьей категории.

И не в холодной зиме.

А в том, что меня назначили вундервундом! Да, знаю, я уже жалобился на свою судьбу в самом начале похода, но тогда еще можно было написать что-то в дневник. Как мы приехали в Аляпку и сходили в школу, как встретили лесорубов в поселке. Как Сашке пришлось уйти, в конце концов. А теперь? О чем писать сейчас, когда все просто сидят вокруг костра, хрустят сухарями и ждут ужин?

Если бы то был мой личный дневник, я бы уж нашел, что увековечить, а тут…

— Смотрите, по моим подсчетам, сегодня мы прошли на четыре километра больше, чем планировали, — Вадя Шакунов стучит карандашом по исписанным страницам блокнота. — Лишние четыре километра — благодаря моему методу прокладывания лыжни. Если постараться, то…

Мы все дружно стонем, заглушая его голос. Шакунов уже, верно, забыл, какой мукой было идти по «его методу». Уж куда проще и надежнее ползти цепочкой, как мы всегда и делали. Лучше бы этот изобретатель придумал такую мини-печатную машинку, чтобы можно было без проблем брать с собой в поход. Глядишь, и дневник заполнять стало бы проще. И пальцы так не мерзли бы.

— Да где их там носит? — не выдерживает Люся и приподнимается с бревна, пытаясь рассмотреть что-нибудь в сгущающихся сумерках. — Вся каша остынет.

Глеб и Васенка ушли за валежником и до сих пор не вернулись. Не удивлюсь, если они и вернутся без валежника.

Вася Постырь быстро расправился со своей порцией, а теперь откладывает миску, поднимается на ноги и тоже задумчиво смотрит в ту же сторону, что и Люся.

— Может, пойти за ними?

— Да не надо, — расплывается в улыбке Вадик. — Пусть милуются. Поди, не заплутают.

Помню, не то Сметанин, не то Каспаров говорил, что категорически не берет в поход парочки. С ними каши не сваришь — кучкуются вдвоем и всю группу отвлекают. Может, они и правы… Но Глеб-то, верно, не знал, что так получится.

— Пока они там гуляют, их ужин точно простынет, — снова начинает ворчать Люся, помешивая овсянку в котелке. — А голодный турист — никудышный турист. Завтра даже до горы не доберемся.

Норкин потягивается, запрокинув руки за голову, и из-под шапки смотрит на начхоза. Ну, сейчас начнется.

— Вроде баба, а ворчит хуже коменданта в общежитии...

— Кто баба? — тут же выпрямляется Люся. — Ты кого бабой назвал? Вот я тебе сейчас покажу бабу!..

Вася забывает про Глеба с Нелей и теперь едва сдерживает смех, наблюдая, как Люся колотит Колю, а он ложкой пытается от нее защититься. Еще немного, и оба кубарем скатятся прямо в костер.

Вот цирк — назначили вундервудом, а сами-то не боятся увидеть, какими я отображу их в дневнике? Сами же виноваты будут!

Только Вадим снова оглядывается в сторону ельника, не обращая внимания на потасовку рядом с собой.

— Их правда уже давно нет…

Его услышала Люся. Она в последний раз толкает Норкина кулачком в плечо и оборачивается. Складывает руки рупором и кричит в сторону леса:

— Глеб! Неля-я! Ужи-ин!

Я уверен, с самых верхних веток елей слетел снег от этого ора.

Не понимаю, почему так странно себя чувствую. Какое-то… словно что-то щемит в груди. У меня так бывает, если я слышу, как чей-то голос начинает дрожать при пении, или когда замечаю, что у отца стало на несколько морщин больше, и он горбится сильнее обычного. У меня так же ныло в груди, когда я окончил школу, и наши пути с одноклассницей Катюшей разошлись. Она теперь в Киеве, ну а я... где-то тут.

Так почему же сейчас я снова чувствую это? Ведь все хорошо. С нами всё в порядке. Но когда из леса вышли Глеб с Нелей у меня вдруг что-то так защемило, прямо возле сердца. Отчего? Они даже за руки не держались. Просто пришли вместе. Были вместе.

Но вокруг них теперь как будто был такой невидимый кокон, который не пропускал к ним других людей, который отгородил их от всех. От нас.

Это были странные и неправильные мысли, но я никак не мог от них отвязаться. Даже дневник не помогает. У, черт! Нужно будет выдрать последние страницы, потому что не хочется, чтобы ребята это прочитали.

Сидим у костра, и все как будто хорошо. Вадик снова достал свое письмо. Он уже день третий что-то пишет и пишет, не иначе как своей Оле, но страницы раз за разом оказываются в костре, и он начинает все заново.

Вася задремал, прикрыв глаза. Интересный он. Вроде как и с нами, а в то же время — сам по себе. Он плавно вошел в нашу группу, без всяких ссор и недопониманий. Но мы все видели —

если он уйдет, то мы это едва заметим. А ему без нас точно будет не хуже.

Люсия и Норкин снова огрызались друг на друга, сами, наверное, не зная, из-за чего спорят. Но их перебранки всегда разряжают обстановку, потому что все знают, что это не всерьез. А я до сих пор вспоминаю, как Коля вчера набросился на меня. Даже не верится, что он вчерашний и тот, кто сидит рядом со мной, — один и тот же человек.

Васенка уходит спать, а Глеб остается с нами. Что-то говорит, крутит в руках карту, и на первый взгляд кажется все тем же старым-добрым Сосновским. Но нет. Что-то в нем изменилось. Что-то неуловимое. Может, взгляд стал мягким, что совсем ему не шло. Может, голос звучал по-другому. Не знаю. Но Васенка должна знать.

Хотел бы я написать Кате письмо, как Шакунов своей жене. Хотел бы я пойти с ней вместе собирать валежник. Да даже перебрасываться шутками и остротами был бы не против. Но так получилось, что все вокруг уже с кем-то, и только я сижу и просто смотрю в костер, потому что больше некуда. И не на кого.

Прислужники Сорни-най

Это было ближе к вечеру четвертого февраля, когда мы вышли из ущелья Малика к перевалу. Несмотря на негостеприимную погоду все шло неплохо, мы бодро шли вперед цепочкой, но вдруг...

— Люся!

Голос Васи Постыря пролетел сквозь ветер и снег, и я услышала его.

— Люся! Стой!

Я обернулась, защищая рукой лицо. Место было жуткое — все ревет и движется вокруг тебя, не видно ничего, кроме белой пелены, и лишь немного темнеет рюкзак Коли впереди. Как там шел направляющий Вадя, я понятия не имела и не завидовала его участи.

— Неля отстала! — пояснил Вася, подобравшись ко мне. — Нужно вернуться.

Ох, что же там случилось с Васенкой? Я напрасно вглядывалась в пелену за спиной Постыря, надеясь увидеть подругу. Может, просто сошла с лыжни? Далеко ли мы ушли от них? А Толя с Глебом с ней?

— Люсь, ты чего встала? — из вьюги неожиданно выкатил Норкин, едва не наехав на мои лыжи. — Что случилось?

От ветра и снега у него на лице с одной стороны все покрылось коркой, но он словно и не замечал этого, только щурил глаза-черточки. За его спиной показался Вадим. Ну, значит хотя бы мы никого не растеряли по дороге.

— Васенка отстала, — пояснила я, стягивая рукавицу. — Подождем или к ним пойдем?

— Я… — заговорил было Коля и резко замолчал, когда я потянулась и смахнула ладонью снег с его лица. — Я… думаю, надо вернуться. Вадь?

— Да, возвращаемся, ребят, — поддакнул Шакунов, жмурясь от ветра. — Может, им помощь нужна.

Развернувшись, мы направились обратно, не упуская из виду след лыжни, который еще не успело замести. Но Васенки, Глеба и Брони не было ни видно ни слышно.

— Глядите!

Вася так резко остановился, что я налетела на него, наехав на лыжи. Но Постырь и не заметил, указывая рукой перед собой.

— Смотри! Смотри! А слышишь?

Да, услышала. Поначалу казалось, что вокруг ревел только ветер, но затем я разобрала отдельный вой. Или скорее стон — протяжный и болезненный, как будто жаловалась сама природа. Во второй раз он прямо-таки ударил в голову, словно став ближе. Я зажала ладонями уши, выронила одну палку. Сердце подскочило, и меня окатило волной страха. Как будто я оказалась на краю пропасти или мне на шею накинули петлю — такой страх. Дикий, животный.

Не успев опомниться, я вцепилась в руку Васи. Он коротко хохотнул и шутливо толкнул меня плечом. Вообще ничего не боится, ты погляди на него.

— Ну ты и трусишка, Люсенька!..

— Как воют, а!

С нами поравнялся Норкин и, расправил плечи, вглядываясь вперед, как будто что-то видел. Густые черные брови почти скрывали собой глаза, и от ветра он поджал губы и наморщил нос, как будто ему это все опротивело.

— Кто, кто воет, Коль?

— Скалы вот эти, останцы.

Я лучше присмотрелась к тому, на что он указывал. Вася тоже приложил руку козырьком, сквозь снег и ветер рассматривая скалы. И только я ничего не видела. Белым-бело вокруг. Хлопала глазами как дурочка, а лицо царапали ледяные крошки.

Норкин заметил это, тронул меня за плечо и рукой указал, в какую сторону следует смотреть. И я наконец-то разглядела.

Сквозь метель проступали темные силуэты камней, раз в пять выше человеческого роста. Заметенные снегом, они угрожающе нависали и, казалось, вот-вот рухнут от такого сильного ветра. Невозможно было представить, что сама природа воткнула их здесь, на устрашение людям.

Останцы вставали из снега, точно богатыри из былин, шестеро, выстроившись по рангу. Еще чуть-чуть, и пойдут прямо на тебя, возьмут в кольцо, растопчут, оглушат... И как только мы не заметили их в первый раз? Как прошли мимо, не слыша их стона? Я часто моргала, смотря на них снизу вверх, и чувствовала себя такой маленькой, такой жалкой по сравнению с ними.

— А почему они так жутко воют?

— Дыры в них, — ответил Шакунов, появившись за нашими спинами, — вот ветер и ревет. Как в свисток дует.

Изумительно — ревут камни, а кажется, что живое чудище.

Коля вытащил из кармана компас и сверил азимут.

— Северо-северо-запад! — объявил он, как будто это могло нам как-то помочь.

Вадим с силой выдернул палки из сугроба.

— Пойдемте дальше, надо ребят найти.

И мы пошли, прямо к «великанам», щуря глаза от такой метели и пытаясь разглядеть наших потерянных бедолаг. А Коля всё продолжал болтать:

— Неудивительно, откуда растут ноги у мансийских легенд. Воющие великаны… Понимаете, эти останцы так выветрились, что готовы рухнуть в любую минуту. — Он еще раз посмотрел на них. — Пять скал. Словно пятерня торчит из земли.

Пять? Почему же пять? Шесть! Но не успела я и рта открыть, как Вася довольно гикнул и вскинул палку.

Сквозь метель показались ребята, темнеющие в снегу как кучка камней. Васенка почти лежала, ее придерживал Броня. Рядом стоял Глеб, но он живо обернулся, услышав нас.

Мы с Васей как могли поспешили к Неле. Я всё боялась, что она, как и Саша Южин, подвернула ногу.

— Что я вижу? Некоторые отдыхают лежа?

Постырь, конечно, шутил, но бедная Неля так зашуганно смотрела на нас, что у меня ком в горле встал. Броня поднял голову, и я почти испугалась, увидев, что он встревожен. Это так не шло ему, и было так непривычно видеть, как у него застыло все лицо от напряжения. Что же тут случилось?

— Уйдем отсюда. Уйдем скорее… — словно в бреду бормотала Васенка.

Мы с Броней взяли ее под руки, помогли встать и отряхнули от снега. Она была не ранена — только немного разбила нос. Я не сразу заметила кровь на ее лице и капли на снегу. Но Неля все равно норовила пригнуться, прилечь, как будто старалась от кого-то спрятаться.

— Ты упала, Васенка? Сильно?

Она не ответила, только снова пробормотала: «Давайте уйдем отсюда… уйдем скорее.» К нам повернулся Сосновский.

— Возвращаемся к Малику! — скомандовал он, перекрикивая ветер и вой останцев. — Там переждем непогоду.

Делать нечего. Я крепче подхватила Васенку под локоть, но тут подошел Глеб и мягко оттеснил меня.

— Идти и так тяжело, — объяснил он, заботливо обхватывая Нелю одной рукой, — держись лучше за нами. Так быстрее доберемся.

Рюкзак Васенки он передал Шакунову, а вперед пропустили Васю с компасом. За ним шли Броня, Васенка и Глеб, потом Вадим с двумя рюками, а мы с Колей как неприкаянные тащились позади всех.

Норкин то и дело оглядывался на останцев, а я потихоньку заражалась настроением Васенки и старалась как можно скорее уйти отсюда. Но это неправильно. Неправильно, что мы повернули назад. Сколько времени, сколько километров потеряем из-за этого. Уложимся ли в срок? А если погода не изменится? В памяти резко всплыло лицо охотника из Бинсая.

«Ан-ана, а вдруг проснется Тумпа-Солях?»

Моя левая лыжа вдруг с визгом налетела на камень, а я, задумавшись, не смогла сразу среагировать. Лишь успела взмахнуть руками с зажатыми палками и упала. Вперед, напрочь забыв все уроки Сосновского.

— Ёшки-матрёшки, Люсь, ну ты чего!

Я и сама начала подниматься, но мне соизволил помочь Коля. У него руки сильные, и даже не по себе становится, когда в приступе гнева он сжимает кулаки. Я выпрямилась, но голова у меня еще чуть кружилась от всего этого — воя, белой метели вокруг и... вида крови на снегу. Пятна расползлись на белоснежном покрывале, как будто здесь кого-то убили. Я крепче оперлась на палки, чтобы сохранить равновесие, и часто заморгала от боли и снега на ресницах. Норкин грубо отряхнул мою штормовку.

— Как знал, не надо девчонок в поход брать.

Немного наклонившись, он заглянул мне в лицо. Я тоже нос разбила? Или еще хуже? Хотела потрогать, но забыла, что в рукавицах, да и еще лыжные палки сжимаю так, словно это сокровище какое.

— Подожди.

Серые, быстрые глаза Коли еще раз пробежались по моему лицу, а затем он зубами стянул свою варежку и, не выпуская ее изо рта, потянулся ко мне. Выглядело это презабавно, и я даже нашла время пожалеть, что у меня нет под рукой фотоаппарата. Вот это был бы кадр.

Большим пальцем он вытер что-то с моей верхней губы, а потом коротко оттер ладонью щеку. Прикосновение было небрежным, но зато рука у него оказалась теплой и не шершавой. Он быстро потер пальцы друг о друга, натянул рукавицу обратно и сразу быстро заговорил:

— Чуть-чуть покровило, не чета Неле. Уже все нормально, кровь больше не идет. Пойдем, пока ребята нас не потеряли.

И он поторопился вперед. Я старалась не отставать, но все движения были какими-то заторможенными, и мне казалось, что я двигаюсь медленно-медленно. Пощупала языком передние зубы, затем быстро облизнулась. И правда, крови больше не было.

Нужно было сказать что-то насчет его «девчонок в поход не брать», но я не могла заставить себя выговорить хоть что-нибудь. Воет метель, воют останцы, болит нос, и еще начать спорить с Норкиным? Нет уж, спасибо.

Так и шла молча, смотря, как на рюкзаке Коли скапливается снег. Все больше и больше.

Мы остановились на том же месте, на котором ночевали давеча. Поспешили поставить палатку, чтобы уложить туда Васенку — бедняжка до сих пор была такой бледной и напуганной, как будто

контуженной. Что она там увидела, у этих останцев? Что ее могло настолько напугать? Я почти боялась, что Глеб вот-вот прикажет повернуть назад и идти до ближайшего селения. Пока он с мальчишками утаптывал лыжами снег под палатку я сидела рядом с Нелей на чьих-то рюках и следила за ними. Пыталась разговорить подругу, шутила, болтала, но она ни словечка не проронила.

Едва между двумя березками натянули палатку, едва расстелили весь наш скарб, как Васенка поспешила спрятаться там, как в домике. Да что с ней такое? Может, все дело не в разбитом носе? Может, у бедняжки разбито сердечко? Я посматривала на Глеба одним глазом, но он ничего не сказал Неле, и она ушла спать.

Мы не стали тратить время на копание ямы для костра. Нарубили палок и сучьев, уложили гатью и развели огонь. Есть никому не хотелось. Петь и играть на гитаре тоже. Я, конечно, все же повесила котелок с какао. Хоть руки погреем о чашки и то ладно.

Где-то в стороне постанывали останцы-великаны, но уже не так громко и страшно. А что? Сегодня будем спать под настоящий хор.

— Завтра минуем перевал, — тихо заговорил Глеб, не смотря ни на кого из нас, только в огонь. — По времени мы успеваем, с этим порядок. Только бы погода нам подсобила.

Он повернулся назад, а за ним невольно оглянулись и все остальные. Ух, ну и ревело там! А у нас тут на биваке тишь и благодать, настоящий домашний уют. Только Васенки у костра не хватает.

Вадим словно ненароком подслушал мои мысли.

— Глеб, а что… — он выразительно кивнул головой на палатку. — Ударилась сильно, да?

Он коротко глянул на Шакунова и снова опустил глаза. Нет, ну точно неспроста. Поссорились они, что ли? В походе и без того

нелегко, а если еще сердечные переживания добавить, то этак можно вообще никуда не дойти.

— Немного разбилась. Испугалась воя этого… Неля же у нас такая впечатлительная.

Норкин, который сидел рядом со мной, прямо весь подобрался, чтобы напомнить о том, что «девчонок в поход брать не следовало», но я предупредила это, крепко стиснув его за руку. И он промолчал.

Вадим едва заметно усмехнулся.

— Да, конечно… Лялька у меня тоже такая… — и его глаза прямо помутнели от грусти.

Забулькало наше какао, и я поспешила занять себя работой. Вот нет ничего хуже сидеть в тишине и ждать непонятно чего, переживать и в то же время следить за всеми. Мама мне не раз говорила: «Люська, у тебя слишком большое сердце», как будто это плохо. Но кто еще позаботится о ребятах кроме меня? Им самим наплевать на себя, если бы я не проверяла их перед каждым походом, то они забыли бы дома и свитера, и носки, и свои головы тоже.

Мы медленно пили какао, сидя в тишине. Вася сначала поглядывал на гитару, но не рискнул достать ее. Как-то неудобно было, что ли. Если бы только Неля соизволила выйти и посидеть вместе с нами, то всем стало бы легче.

— А знаете, почему они так воют? — вдруг спросил у нас Броня.

Никто и рта открыть не успел, как он продолжил — ответ у него уже был готов:

— Клад сторожат, вот точно! У манси наверняка здесь где-то золотые залежи запрятаны. А останцы-великаны их охраняют.

Он продолжил говорить, но я почему-то почти не слышала его. Снова вспоминала вой и рев там, на перевале. Как даже мне вдруг стало страшно. Неудивительно, что Неля так перепугалась.

Глеб ушел в палатку, проверить, как там она. Толя все расписывал про клады манси, и к разговору неожиданно подключился Вадим. Вспомнил легенду про какую-то Золотую бабу и принялся ее пересказывать. А Вася сидел и слушал, подперев кулаком подбородок. Глаза у него казались темными-темными, и не знаешь, о чем он думает. То ли смеется про себя над глупой болтовней мальчишек, то ли верит им… а может, знает больше, чем все мы. Вдруг я поймала на себе его взгляд, он усмехнулся и слегка кивнул. Как будто сообщил о чем-то секретном. Я коротко улыбнулась ему в ответ и опустила глаза на кружку.

Завтра снова покорять перевал. Снова проходить этот же путь. Уж завтра мы точно должны дойти до Раупа и плевать на метель.

Меня в руку толкнул острый локоть Норкина.

— А ты в это веришь, Люсия?

В то, что мы можем пройти перевал и добраться, наконец, до озера?.. Ох, я же не вслух это говорила. Или вслух?

— Ты про что? — растерялась я.

— Про клад, — глаза Коли сощурились от невидимой улыбки. — Веришь, что он есть? Или в легенду о Сорни-най?

— Чего-най?

Норкин отвел от меня взгляд. Я решила, что он больше ничего не скажет, но он постучал пальцем по кружке и пояснил:

— Я просто думал, ты слушаешь. — Он кивнул на Вадьку, который продолжал что-то втолковывать Толе. — Шакунов говорит, что у манси здесь обитает местная богиня, Золотая баба. Она получает богатые подношения, вот они где-то здесь и спрятаны. Но зимой шаманы сюда не ходят… — Хитрая улыбка тронула его тон-

кие губы. — Поэтому Сорни-най сейчас злая. Останцы ей служат и подкарауливают случайных путников, чтобы принести их в жертву…

— Ой, да помолчи ты! — я толкнула его в бок, и он едва не выронил кружку, но весь задрожал от беззвучного смеха. — И Васенке не вздумай об этом говорить.

— Да это понятное дело.

И он снова стал угрюмым. Как будто внутри него погасла свеча.

Вернулся Глеб, и разговоры сами собой затихли. Опять повисла тревожная тишина. Только иногда потрескивали ветки деревьев, да вдруг костер выпускал ворох искр. Поскрипывала палатка, шуршала поземка, и порой с веток елей начинал лететь снег.

Словно среди нас бродила невидимая, голодная богиня.

Завтра будет идеальный день

Я все-таки спрошу у нее.

Завтра и спрошу.

Сейчас сижу в палатке с тетрадью и делаю вид, будто записываю что-то важное, но на деле просто мараю листы. Потом вырву и сожгу их, когда никто не будет смотреть.

Завтра — идеальный день. С утра пораньше мы отправимся на Рауп, слазаем на него, оставим визитку и вернемся на это же место. Поздно, мы будем очень уставшими, но довольными. Никто не будет воспринимать друг друга всерьез, никто не будет злиться на случайные толчки, обижаться на неудачные шутки. Это будет идеально.

Когда я спрошу ее, Люся просто посмеется и согласится, а может, даже расчувствуется. Она точно не будет смеяться именно надо мной, как обычно, или злиться. Идеально.

Завтра. Это будет завтра.

Сейчас я смотрю на нее краем глаза. С Люси долго шепчется Нелли, но она почти не отвечает ей, только слушает. О чем девочки постоянно шушукаются? Как в походе, где все равны и порой нет времени даже на сон, они умудряются иметь секреты ото всех, сплетничать и обсуждать какие-то свои личные вещи так, словно еще находились в общежитии?

Уже все, кроме Толи и девочек, устроились спать. Броневский бегает туда-сюда, счищает с палатки снег, потому что Нелли без конца причитает, что старая ткань может порваться. Я делаю вид, что пишу в дневник, хотя я и так сюда пишу, но только никто этого никогда не прочитает.

— Норкин, а что ты делаешь?

От вопроса Люси я едва не роняю тетрадь. Поднимаю голову и вижу, что Нелли уже устроилась спать, а Коломийцева лежит на животе и смотрит на меня. В тусклом свете двух фонариков мне видно только кончик ее носа, лоб и блестящие глаза.

— Дневник пишу, разве не видишь?

Она тут же требовательно протягивает руку, и из темноты появляется белая ладошка.

— Дай взглянуть — это общий дневник, так что я имею на это право.

— Потом взглянешь, когда я закончу.

Я отворачиваюсь от нее, а сам думаю, как мне быстро и незаметно вырвать листы из блокнота, прежде чем она забрала его у меня.

— Да не будь ты таким… таким…

Люсия замолкает, пытаясь подобрать нужное определение. Я смотрю на нее краем глаза: от света фонарика у нее на лице такие резкие тени и видно, как ресницы дрожат.

Завтра. Завтра я спрошу ее. Не сейчас.

— Таким врединой, — наконец придумывает она и даже подбородок задирает выше. — Ты, наверное, даже не подозреваешь, насколько ты вредный. Поэтому с тобой никому не нравится быть — ты и камень способен ранить.

Я понимаю, что она просто хочет раззадорить меня, чтобы я вышел из себя и бросил ей этот блокнот. Пора бы уже привыкнуть к ее методам. Давно пора.

— Ты, наверное, и в дневник пишешь про нас какие-нибудь гадости, — не отстает она. — Вот посмотрим, вырвешь ты листы после этого или нет.

И я не выдерживаю.

— Тут уже в некоторых местах выдраны листы. Не думаю, что это сделал Броневский.

Люсия замолкает, невинно хлопает глазами. Я с трудом сглатываю и продолжаю:

— Первая ночь в лесу. Дневник был у тебя. Но я вижу записи только Толи.

Это правда. Я сам видел, как Люся сидела в палатке с тетрадью. С общей тетрадью. Я потом ее взял, но не увидел новых заметок. А между страниц торчали клочки бумаги. Так может, потому что это правда? Потому что Люсия была за что-то зла на меня, как обычно, написала сгоряча всякого, а потом решила, что будет лучше выдрать эти листки?

— Не выдумывай, — бормочет она, понимая, что я говорю правду. — Это с Брони спрашивай, где пропавшая бумага. Да и вообще, поглядите на него, какой педант: считает страницы в общем дневнике! Хочешь — вообще сожги, мне никакого дела нет.

Она разворачивается и ложится ко мне спиной, накрывается половиной одеяла, которую ей оставляет Нелли. И теперь из-под него торчат только светлые косички.

Я возвращаюсь к записям, хотя уже не для кого делать вид, будто я что-то пишу в дневник. Правда, мимо меня еще раз протискивается Толя. Не знаю, слышал ли он наш разговор, но он ни о чем не спрашивает и даже не смотрит на меня. Наверное, он просто слишком устал.

Сегодня был безумно тяжелый день, а завтра нас ждет сложный подъем на гору. Мы спустимся к перевалу в сумерках, и едва ли у нас хватит сил, чтобы поставить чай. Но, может, Броневский нас сфотографирует, а Постырь посетует, что нет гитары, хотя все поймут, что он все равно бы не стал играть. Сосновский, разумеется, будет делать вид, что для него это легкая прогулка, но, навер-

ное, уделит уставшей Нелли чуть больше внимания. Вадим скажет: «А нужно было сделать так…», и не угомонится, пока не выскажет все, что думает.

А я…

А я подсяду к запыхавшейся Люсе, которая все равно будет стараться накормить нас, рассмешить и разговорить. Когда она повернется ко мне, то уже не будет помнить сегодняшнего разговора, потому что все затмит поход на Рауп. Она спросит: «Норкин, тебе в чай добавить сахар или сгущенку?», как будто это единственная вещь, которая будет ее заботить.

И тогда я спрошу у нее.

«Люсия…»

«Когда мы вернемся в Свердловск…»

«Ты пойдешь в кино...»

«Со мной?»

И она будет слишком уставшей, чтобы смеяться надо мной.

Завтра. 2 февраля. Будет прекрасный день.

Утраченная и вновь обретенная надежда

Это был, кажется, седьмой или уже девятый день нашего пребывания в избушке. То самое время на перепутье, когда утрачиваешь надежду и либо сдаешься, либо находишь новую.

Я проснулась перед рассветом. В эти дни мы вообще спали плохо, часто просыпались от голода, холода или потому что нам казалось, что мы слышим шаги вернувшегося Глеба. От этих видений особенно страдала Васенка, которая запросто могла вскочить глухой ночью и выбежать на улицу, оставив дверь нараспашку.

В этот раз я открыла глаза и некоторое время лежала неподвижно. Рядом сопела Неля, в стороне похрапывали ребята, а в углу, за спиной потрескивали дрова в печке. Конечно, я тут же озадачилась, следит ли кто за огнем, потому что это было сейчас нашей задачей номер один. Я приподнялась на локтях, обернулась и увидела спину Норкина.

Он сидел на бревне, которое было тут заместо лавки, привалившись плечом к стене и, кажется, спал. Я одновременно и рассердилась на него за то, что оставил печку без присмотра, и в то же время ощутила укол жалости. Неле, Васе и Коле нужно было еще неделю назад показаться врачам, а вместо этого они торчат среди дикой местности зимой, недоедают, мерзнут…

Я осторожно поднялась, крепче укрыла Нелю курткой, которая служила нам одеялом, и подошла к «лавке».

Услышав мое шуршание, Коля открыл глаза и выпрямился. Ну да, конечно, он не спал. Зачастую, заснуть тут было еще тяжелее, чем проснуться. Может, потому что организм начинал подозревать, что очередной сон мог вообще не закончиться?

— Ты чего так рано? — Норкин прищурился, посмотрев на свои часы. — Замерзла?

Он говорил тихо, конечно, чтобы никого не разбудить, но я вдруг задумалась, пытаясь вспомнить, а когда в последний раз слышала, чтобы он кричал. Ругался. Спорил с кем-нибудь. Говорил свое излюбленное «чмо». Во всяком случае, точно не в последние дни.

— Нет, просто. — Я протянула руки к огню и ноги пододвинула поближе. — Можешь идти спать, я подежурю.

Коля выпрямился, потянулся, но остался сидеть, только глаза устало прикрыл.

— Да я все равно не засну...

Я скосила взгляд, рассматривая темные пятна на его руках. Пальцы были скрюченными и опухшими. Ногти почернели. Что у него, что у Нелечки — от мороза руки так и остались такими, болели, зудели и, ясное дело, требовали медицинской помощи. Но мы могли лишь смазывать их жиром, который топили с мяса оленины, и стараться хоть немного облегчить им работу.

У Коли еще ко всему прочему были ожоги на пальцах и ладонях. Когда он добрался до костра, то так отчаянно хотел согреться, что почти засовывал руки в огонь. Бедные, изуродованные руки Норкина…

За стеной домика что-то протяжно заскрипело, и мы оба насторожились. Конечно, это лишь деревья и ветер, никак не лось, медведь или… Глеб.

— Еще немного, и услышишь, как стрекочут лопасти, — прошептала я. — Глеб спустится к нам как герой, подхватит Васенку на руки, а мы вернемся домой на настоящем вертолете, и своим внукам будем рассказывать, какое приключение выпало на нашу долю.

Я резко замолчала, поняв, что несу чепуху. Это Неле я привыкла уши медом поливать, чтобы бедняжка хоть немного успокоилась и смогла уснуть. Вряд ли Коле это нужно услышать.

Вряд ли он вообще в это верит.

Он и смотрел на меня сейчас так, что сразу становилось ясно — его таким не одурачишь. Никакого Глеба на вертолете он уже давно не ждет.

— Но он же вернется? — прошептала я, пока все надежды окончательно не рассыпались в прах. — Правда, Коль? Он ведь должен вернуться...

В последнее время я все чаще задавала этот вопрос самой себе, и каждый раз уверенно отвечала: да, конечно, как ты можешь сомневаться в этом, дурында! Но сколько раз не повторяй, а Глеба этим не приблизишь.

Молчание стало слишком долгим, чтобы надеяться на ответ. Молчание и было самым красноречивым ответом на мой вопрос. Глеб пропал — погиб или просто потерял нас, может, ранен и лежит в больнице. А кроме него больше ни одна живая душа не знает, где мы и что с нами.

Я опустила глаза, а в носу сильно-сильно защипало, и я подумала, что вообще-то сейчас не лучший момент, чтобы разводить сопли. Хоть Васенка этого не видит и не слышит, на этом спасибо...

— Вернется, — вдруг хрипло сказал Норкин. — Конечно, он вернется.

Он медленно поднес скрюченную руку к моему лицу и пальцами вытер слезы, которые все же потекли по щекам. Кожа у него твердая и холодная, и я почти неосознанно взяла его за руку и прижала ладонь к своей щеке.

У меня столько тепла, что я могла бы делиться им с другими, наливая в кружки, как какао…

— Иногда мне кажется, что мы навсегда здесь застрянем, — прошептала я, снова закрывая глаза, а слезы все текли, согревая руку Коли. — Что никто нас никогда не найдет, и мы будем умирать тут, один за другим, от холода и голода…

Васенке такого не расскажешь. Даже самому себе такого не расскажешь. Слова словно вырвались из глубины, бездны моей души, куда я никогда не заглядывала.

— Ну что ты такое говоришь, дурочка.

Мне даже захотелось услышать пренебрежение и высокомерие в его голосе, как обычно. Пусть рассмеется над моими страхами, пусть спляшет на них, пусть разругает их в пух и прах. Но его голос сейчас был все таким же тихим, как будто пустым.

Словно настоящий Коля Норкин все же погиб той ночью.

— Как только такие глупости тебе в голову лезут, — продолжал он. — Как студент УПИ, опытный турист, а самое главное — начхоз! — может о таком думать? Ну глупенькая же.

И он обнял меня. Просто взял и притянул к себе, мое плечо уперлось в его грудь, а его свободная, правая рука протянулась через мое тело и обхватила за талию. Сразу стало как-то тесно, тепло и спокойно. Коля положил острый подбородок мне на макушку и повторил:

— Дурочка. Никогда больше о таком не думай. Никогда не теряй надежды.

Я сидела ни жива ни мертва. Целовать Броню в щеки — это пожалуйста. Сюсюкать и умиляться над Сашей-Машей — проще простого. Резко обнимать женатого Вадика или по-родственному класть голову на плечо холодного, серьезного Глеба было легко.

Но даже коснуться колючего Норкина казалось невозможно. На него порой и смотреть было больно и страшно, не то, что трогать.

Выходит, это правда. Настоящий Коля погиб еще семь дней назад.

— Глеб обязательно вернется, — опять заговорил он, не дождавшись ни моего ответа, ни моей реакции на все это. — Он не может не вернуться. Просто… это не так быстро — найти вертолет и отыскать эту хибару. Даже Глеб мог перепутать координаты. Даже он мог ошибиться. — Он медленно выдохнул мне в волосы теплом. — Он скоро вернется, Люсия, подожди еще немного. Не сдавайся. Пожалуйста.

Я не ответила, но благодарно погладила большим пальцем его по запястью. Уж если это говорит сам Норкин, то значит, это действительно правда. Коля бы не стал говорить просто так или чтобы подбодрить меня. А значит, он тоже верил.

Над черной дырой в крыше, которая была тут вместо дымохода, летел мелкий снег. Он не прекращался с той ночи, когда мы дошли сюда, и мне порой казалось, что совсем скоро он засыплет нас, погребет в этой избушке, которая станет нам братской могилой.

А может, так уже случилось?

И мы все мертвы. Все, кроме Глеба, который ушел.

Я прикрыла глаза, едва разбирая чужое сердцебиение у своего плеча и чувствуя, как рука под моей ладонью теплеет. Нет. Мы живы. Мы выдержим. Люди выходили и не из таких передряг, а мы чем хуже? Пока будем держаться вместе, пока не будем терять надежду, с нами все будет хорошо.

И тогда мы скоро услышим стрекот лопастей вертолета, Глеб бросится к нам и возьмет Нелю на руки, чтобы лично отнести в

кабину. Мы вернемся в Свердловск, и я до самой старости буду вспоминать этот день.

Как трещала горячая печка в углу, как сопели на нартах парни, как в дыре крыши мелькали белые мухи снега. И как мы с Колей Норкиным сидели так рядом, обретя в друг друге новую надежду.